

Русин Василий

bert Caller zaprowadzili...
rsjowaną komodę, na której...
zedmioty: dwie statuetki z Chin, z...
ński i szkatułkę na biżuterię ze Smy...
ej pozytywki – odezwała się Julia, ro...
iekawieniem.

jest odrobinę... oryginalna – m...
esło.

yny i wszedł na krzesło. Zdjął ze...
y nad komodą.

ęła Julia, rozpoznając namalowa...
e jest Willa Argo?

m mieszkamy! – wyjaśniła dziew...
risko... a tu jest furtka.

ossella. – Pokaż im ramę, Albercie.
raz, pokazując dzieciom korbkę.

Na metalowym cylinderku była...
a pomocą koła zębatego korbka...
nderkiem, najeżonym maleńki-...

pnął Albert i pokręcił korbką...
w maleńkie, metalowe pręci-...

dały się w uroczą melodyjkę.
k poczuł się nagle tak, jakby...
wa. To była ta sama melodia,

Солдат

wia...
cząć poszukiwania. Nie j...
wielkim mieście jak Wer...
macje.

– Próbowaliście już r...
zegarmistrzów? – spyta...

– Tak, ale wygląda r...
– Jesteście pewni,

czy czegoś w tym rod...
– Istotnie, mógłby...

kojniejszym...

Василий Русин

Солдат

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Русин В. Л.

Солдат / В. Л. Русин — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Время людей уходит. Давний враг народа человеческого вернулся, дабы забрать то, что принадлежит ему по праву. Последние дни, последние сражения людей в этом рассказе. В оформлении обложки использована фотография с сайта rihabau по лицензии CC0.

«... как сон неизбежно покидает узилище разума, так узник непременно ускользнёт от лап своего мучителя. Так и Мы, веками пребывавшие во тьме, в глубоком подzemье, вернулись в мир, принадлежащий Нам по праву рождения.

Великий, Создатель Неба, пробудился ото сна и освободил нас. Раскрыл он крылья свои, и Тьма пала на земли людские.

– Народ Мой! Да вернутся же сторицей боль и лишения роду человеческому. Подло пленившему, похоронившему Нас заживо, будто живых мертвецов.

Пусть трепещут от одного упоминания имени Нашего. И не будут знать они ни покоя ни спасения, как когда-то не знали мы...»

Леар, Эмиссар Зари.

Сил нет. Ладонь разжалась и меч, покрытый зазубринами, словно лицо – оспинами, упал в липкую грязь. В кашу – мешанину из земли, воды и крови. Солдат сел и устало облокотился о лошадиную тушу. Стеклянные глаза её бестолково таращились в задымленное небо.

Расстегнул ремешки, удерживавшие шлем, и тот одиноко покатился по земле. Вокруг, куда ни кинь взгляд, лежали мертвые. Мертвые покоились друг на друге, полные взаимной ненависти при жизни и ставшие такими близким друг другу после смерти.

Солдату протянули флягу, и он смог омыть руки и лицо. Вода принесла холод разуму и голод телу. Поблагодарив и вернув флягу товарищу, он поднялся с земли и поднял меч.

Его братья-солдаты, такие же грязные и измученные, как он сам, будто восставшие покойники бродили по усеянному телами полю. Добивали смертельно раненных. Дарили милость своим и продлевали муки врага.

Голод, рождённый холодом в глубине тела, змеей растянулся по всему нутру Солдата. Меч с шипением вернулся в ножны. Шлем же, брошенный и забытый, так и остался лежать на земле.

Огонь карабкался по толстым бревнам, подпирал, словно ладонями, огромный котёл. Черный и закопченный, этот котел походил на огромную чашу, которую по очереди хватили сотни грязных рук. Повар, тучный и жирный, обнаженный по пояс несмотря на осеннюю прохладу, мешал варево огромным черпаком. Запах пота и непонятного варева распластывался по земле подобно отвязной девке. Гнусной в своём распутстве, но такой желанной для изголодавшегося солдата. И солдаты шли. К ней.

Черпак размеренно, со вкусом наполнял бесформенной жижей солдатские котелки и тарелки. Характерное чавканье, с которым каша отделялась от него и прилипала к подставленной посудине, было отвратительно. Будто беззубая шлюха во вшивой юбке посылает тебе воздушный поцелуй.

Солдат ел. Ложка мерно отправляла в рот жижу отвратительного желто-коричневого цвета. В ней попадались кусочки лука и какой-то травы, крупа и неизвестно как попавшие в котел жуки. Между собой солдаты решили, что повар добавляет их со своего тела, щедро сдабривая смрадом пота безвкусную массу.

Повар ел отдельно ото всех. Ни стыдясь никого, помогая себе черпаком и огромной ложкой. Желтая жижга гнойными потеками сбегала по его обвисшей груди и умащивала огромный живот. Сваренные заживо жуки оставались на волосатой груди до следующего приготовления пищи.

Вечер неторопливо перетёк в ночь так же, как маленькая рана перетекает в гангрену. Тяжелое покрывало скрыло ото всех небо, звезды и луну. Сейчас небольшой костёр согревал, но не обещал, что так будет всю ночь.

Освободившись от латной экипировки, оставив на себе грязную шерстяную рубаху и кольчугу, Солдат закутался в теплый много раз штопанный плащ и уснул.

Только во сне мы свободны. Только сон приносит сладостное упоение и отдых усталому телу.

Сон, тяжелый, липкий, намертво связал сознание солдата. Сон – это маленькая смерть. И те из братьев, кто еще не успел уснуть или нес службу, молились, и все больше из них просили богов о сне, вечном сне. Дабы никогда более не увидеть рассвет.

Во сне солдат шел по пустынной вязкой земле. Грязь чавкала под ногами. Звезды холодно и бесстрастно смотрели ему в лицо с безграничной высоты небес.

Солдату было холодно, он шел быстрее и быстрее, плащ, как и вся остальная одежда, перестал согревать, и воин побежал. Падая, подымался с колен и, вновь падая, бежал.

Впереди замаячило белое пятно. Дерево, покрытое снегом, прорастающее из грязной земли. Корни скрывал белый, будто платье невесты, снег. И солдат закричал, что было сил, рванулся к этому спасительному снегу. У самого дерева он снова упал. Едва коснувшись земли, нога с хрустом подломилась, и вопль боли разнесся по пространству сна.

Нога, сломанная ниже колена, волочилась за Солдатом, оставляя борозды в грязи, будто плуг безумного пахаря. Но это был сон. Боль перестала беспокоить Солдата, лишь только он дотянулся до спасительной белизны. Без сил рухнув на снег, Солдат посмотрел на ветви дерева. Черные, тонкие, они держали на себе снежные россыпи. А по краям гроздьями висели кроваво-красные ягоды. Рябина, сладкая после первых заморозков. Протянув руку, Солдат сорвал гроздь и с наслаждением разжевывал несколько ягод. Сладость рябины нет нечего. Иней холодил губы, и сок, терпкий и вязкий, ласкал язык солдата.

Кровь из раны на ноге заливала снег, превратив землю под солдатом в малиновое полотно. Но он не замечал, что силы покидают его. Он ел благословенную рябину, ягоду счастья.

Солдат проснулся от холода. Во сне он замерз, но не выпустил из руки грозди ягод. Не веря глазам своим, он поднялся на ноги. Крик радости разбудил спящих товарищей.

В лучах восходящего солнца первый снег казался белее платья невесты. Он скрыл под покрывалом грязь, трупы и нечистоты. Снег дарил надежду, что война – это только сон.

«...стойкого духом врага не сломить силой. Но стоит лишь наполнить ладони его до краёв страхом; зародить в его сердце неуверенность; заставить ужасы ночные личиной смерти впитаться в его глаза –

тогда сам он падет к ногам твоим, лишь увидев блеск меча твоего, лениво покидающего уютные ножны...»

Леар, Эмиссар Зари.

Жар кипел в крови и мешал дышать. Каждый член тела был словно полон соломы, неподатлив и весил сверх всякой меры.

Весь окружающий Солдата мир плыл и терял очертания. Звуки голосов достигали ушей, будто десятикратно отраженное эхо. Солдат лежал на кровати, его тело накрыли простыней цвета первого снега. Над головой его, под самым потолком лазарета, летали мухи.

Похожие на мух, вдоль коек с ранеными и умирающими привидениями, призраками бывшего бродили лекари. Их тела не имели формы, руки неизменно были холодны до боли, а голоса служили предвестниками большой беды.

Они слетелись к Солдату, как белая моль на мех. Десятки ледяных рук трогали его тело, забирая последнее тепло. Мяли и резали ногу. Из-за нее он и попал в это богом забытое место. Три дня прошло с того сна, где он, сломав ее, полз к спасительной белизне снега. Через три дня у него начался жар и появилась слабость, а нога распухла до ужасающих размеров и стала стремительно покрываться бурыми пятнами.

Лекари резали ее, он кричал, взывая к их милосердию. Но они лишь крепче привязывали его руки и ноги к столу и кромсали, скребли по кости своими пальцами.

Порой солдат погружался в спасительное небытие. Но, открыв глаза, вновь кричал от боли. Всё новые белые призраки подходили к нему. Старые же, перепачканные кровью с ног до головы, похожие на сытых комаров, тяжелой поступью уходили. Новые тянули жилы из его ноги, и резали, резали.

Он выгнулся, и ремень впился в шею. Мгновения было достаточно, чтобы рассмотреть всю их «работу».

В его ноге от колена до ступни зиял разрез, растянутый чудовищными зажимами. Белые призраки тонкими лезвиями впивались в мягкую плоть. Вынимали из его ноги ужасающе длинные, казалось, жившие своей жизнью ленты.

Но всякое сердце в своё время устает биться, всякий разум устает смирять боль и забывается в спасительной темноте. Так и разум Солдата, подкошенный болезнью, просто уснул, погасив темнотой раскаты боли и чудовищный жар. Все вокруг сошло на нет, даже чувство, что в голове, раздвигая извилины, ползают в надежде выбраться на свет божий огромные черви.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.